

М. О. СКРИПЦЬ

Литературная история „Новести о Иулиании Вяземской“

1

«Повесть о Иулиании Вяземской» еще не привлекала внимания историков древне-русской литературы. Те немногие упоминания о действующих лицах повести, которые мы встречаем в специальной литературе, касаются их как исторических лиц; о самой же повести как литературно-художественном произведении обычно не говорится. Такие именно замечания мы находим и у Н. Карамзина,¹ и у Н. Полевого, и у Н. Барсукова.³

Но события, в которых участвуют как исторические лица Юрий Святославич, Симеон Вяземский и Иулиания Вяземская, не имеют особенно большого исторического значения, за исключением, конечно, смоленского периода жизни и деятельности Юрия Святославича. Эти события относятся к деятельности второстепенных князей и характеризуют, главным образом, бытовую сторону их жизни. В то же время освещение этих событий и манера их изложения, данные в Повести, представляют определенный историко-литературный интерес. Рассматриваемая с точки зрения историко-литературной «Повесть о Иулиании Вяземской» любопытна как одна из первых попыток древне-русской оригинальной историко-бытовой повести, построенной на развитии любовной трагедийной фабулы. Кроме этого, особые условия ее создания и ее литературная история далеко небезинтересны для нас, когда в изучении старинной русской повести мы идем широким фронтом, останавливаясь не только на крупных образцах повествовательной литературы, но и на второстепенных и третьестепенных произведениях этого жанра: она проливает некоторый свет на вопрос о генезисе нашей старинной повести.

*

¹ Н. Карамзин. История государства российского. СПб., 1834, т. V, стр. 169—177; прим. 173.

² Н. Полевой. История русского народа. М., 1833, т. V, стр. 230—231, прим. 232.

³ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 281.

Древне-русская летопись хорошо знает действующих лиц «Повести о Юлиании Вяземской» — Юрия Святославича, Симеона Вяземского и Юлианию Вяземскую.¹ Говорит летопись и о факте, положенном в основу фабулы повести, — об отвергнутой любви Юрия Святославича к жене Симеона Вяземского, Юлиании, и об убийстве этих последних Юрием. Но освещение этого факта в летописи иное, чем в повести: летопись явно осуждает Юрия Святославича. Осуждает она его потому, что грубо и преступно посягнул он на идеалы древне-русского общества — идеал целомудренной преданной своему мужу жены и идеал верного слуги. Но не в этом, конечно, была основная причина отрицательного отношения летописи к Юрию Святославичу. Причина эта в том, что политическая ситуация была очень неблагоприятна для Юрия Святославича, бывшего в конце XIV и в начале XV вв. великим князем смоленским.

Московское государство уже в этот период большое внимание уделяло своим западным границам. Великий князь московский Василий Дмитриевич, занятый на Востоке (в Орде и присоединением княжества Нижегородского), на фоне все более и более обостряющихся взаимоотношений между Москвой и Новгородом, настойчиво стремился к сохранению мира на западных границах Московского государства. У него были некоторые основания надеяться на этот мир, так как он был зятем Витовта. И вот, когда Витовт в 1404 г. нападает на Смоленск и захватывает его, великий князь считает это результатом интриг Юрия Святославича.² Отъезд Юрия Святославича на службу в Новгород мог только усилить неблагоприятное впечатление, оставленное им в Москве.

Летописец, очевидно, разделяет неприязненное отношение к этому князю, сложившееся в официальных московских кругах: Юрий Святославич — это человек, ведущий сложную политическую игру; к нему, несмотря на состояние его в родстве с московским князем,³ надо относиться осторожно и с опаской. Поэтому-то летопись и не находит никакого оправдания Юрию Святославичу после убийства Юлиании Вяземской. «И бежа к орде, — читаем мы в летописи о Юрии Святославиче, — не могий трыпети срама и горкаго безверемья и безчестия и студа».⁴ И только Троицкая летопись несколько доброжелательнее говорит о нем. Здесь, после сообщения о его смерти, мы читаем: «и проводиша его честно».⁵

¹ См. ПСРЛ. О Юрии Святославиче — т. III, стр. 97, 102, 103, 107, т. IV, стр. 45, 92, 93, 101, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 141, 143, 144, 145, 196; т. V, стр. 240, 247, 252, 253, 256, 257; т. VI, стр. 128, 131, 132, 133, 134, 135; т. VII, стр. 239; т. VIII, стр. 51, 52, 69, 72, 75, 76, 77, 81. О Симеоне Вяземском — т. IV, стр. 107, 109, 144; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 133, 134; т. VIII, стр. 81. О Юлиании Вяземской — т. IV, стр. 109; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 133—134; т. VIII, стр. 81.

² Н. Карамзин. История государства российского. СПб., 1834, т. V, стр. 174.

³ «В лето 6908. Женися князь Юрьи Дмитриевич на Москве, у князя Юриа Святославича Смоленскаго пня дщерь именовъ Анастасию». ПСРЛ, т. VIII, стр. 72.

⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 134.

⁵ См. Н. Полевой, История русского народа. М., 1833, т. V, стр. 230—231, прим. 232.

2

Но взгляд на Юрия Святославича резко изменился, когда отошли в прошлое жгучие вопросы политики его времени и когда отпала сама причина его злоключений и ложного положения в Московском государстве, т. е. когда Смоленск перешел в руки московского князя. А это произошло в 1514 г.

XV и XVI столетия были столетиями все более и более растущей тенденции московских князей к политическому и культурному объединению северо-восточной Руси вокруг Москвы. К середине XVI ст. этот процесс объединения закончился. В течение всего этого времени литература была глашатаем указанной тенденции Московского государства. Уже во «Владимирском Полихроние» (1423 г.) достаточно четко была выражена идея единства Руси. Такие же произведения, как «Повесть о взятии Царьграда», «Сказание о князьях владимирских», «Послание к царю и великому князю Ивану Васильевичу» и пр., уже прямо обосновывали право Москвы на первенство в северо-восточной Руси. Когда закончилось объединение северо-восточных княжеств вокруг Москвы, перед литературой возникла задача ретроспективного обзора пройденного пути. Теперь с вершины достигнутых успехов многие исторические факты предстали в ином, более радужном освещении, чем это было в действительности.

Одним из грандиозных предприятий этого направления литературы XVI в. явилась «Книга степенная царского родословия». Она ставила своей целью доказать, что прошлое Руси — результат дружной деятельности русских князей в союзе со строителями церкви и что самый род московских князей «яко сад доброраетен, и красен листвием и благоцветущ, многоплоден же и зрел и благоухания исполнен».

Слишком уродливо в этом аспекте должна была выглядеть фигура князя-убийцы, ближайшего родственника московских князей — Юрия Святославича. Пересмотр отношения к нему диктовался новым положением великокняжеского московского двора в XVI в. Это и было основным стимулом создания «Повести о Иулиании Вяземской» в ее старшей редакции.

*

«Повесть о Иулиании Вяземской», судя по ее старшему тексту, состоит из следующих частей: 1. Родословная Юрия Святославича и обстоятельства взятия Смоленска Витовтом, 2. Любовная трагедия в Торжке, 3. Скитания Юрия Святославича, его раскаяние и смерть и 4. Возвращение Смоленска.

Главное внимание в повести в этой ее редакции уделяется Юрию Святославичу. Это очевидно даже по ее названию: в этой своей старшей редакции она называется — «О великом князе Юрье Святославиче Смоленском и о князе Симеоне Мстиславиче Вяземском и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася».¹ При этом автора повести Юрий Святославич интересует как историческое лицо. Отсюда и подробная родословная его, и описание захвата Смоленска Витовтом, и характеристика скитаний Юрия Святославича, как скитаний князя, лишившегося своего «отечества

¹ Ркп. Акад. Наук. 21. 7. 14, л. 484 об. Здесь и ниже цитирую по этому списку

и великия своя княгини и чад своих и сродников и служащих ему князей и бояр и воевод, и всяких рядников и чиновников, и всех слуг своих», наконец, упоминание о возвращении Смоленска русским.

Повесть в этой редакции имеет характер исторического сказания. Мы эту редакцию повести и будем в дальнейшем именовать «Сказанием о Юрии Святославиче».

Исторический характер «Сказания о Юрии Святославиче» подчеркивается, прежде всего, близостью его к летописи, как к своему источнику. Первая часть его — родословная Юрия Святославича и обстоятельства взятия Смоленска Витовтом — пересказывает летописные записи под 1401 и 1404 гг. Уже между этой частью сказания и летописью есть ряд текстуальных совпадений. Больше всего этих совпадений с летописью по Воскресенскому списку.

Особенно близко стоит к летописи вторая часть сказания — любовная трагедия в Торжке. Приводимое ниже сопоставление легко убеждает нас в этом.

Сказание о Юрии Святославиче

«И оттоле прииде на Москву служити великому князю Василию Дмитриевичю, от него же приял бысть и в Торжку наместником учинен. Ему же служаше князь Симеон Мстиславич Вяземской. И той имея супружницу княгиню Ульявию...

...Взят ю к себе хотя с нею смеситися...

Она же не хотяше сего беззакония сотворити...

...И поверже ю, и ляже с нею, она же противляшеся ему, и не може отринуть его от себе, и взем нож удари его в мышцу, он же срама исполнися, и зело возяряся...

...Приложи к блудному устремлению двое убийство. Первое своима рукама уби неповиннаго, но вернаго служащаго ему князя Симеона Мстиславича, мужа Деломудренныя княгини Ульянии. Ей же повеле руде и нове отсеци. Еже и бысть. Князя же Юрья Светославича от-всюду обыде сугубо студ и поноше-

Летопись по Воскресенскому списку.

«Князь Юрьи Святославичь Смоленский прииде из Новгорода на Москву, и дасть ему князь велики Торжек, он же убил тамо служащаго ему князя Семеона Мьстиславича Вяземского и его княгиню Ульяну.

взя бо ю к себе, хотя с нею жити;

она же сего не хотяше,

и ако леци възхоте с нею, она же, предобраа мужелюбица, мужески възпротивися ему, иземши нож удари его в мышку на ложи его; он же възъярявся и

въскоре сам уби князь ея, а ей повеле руки и ноги осеци, и в реку вьвъргоша ю;

и бысть ему в грехе и в студ велик, и с того побеже к орде, не терпя

ние, сугуба же срамота и укоризна, и не ведыи что сотворити, не могли терпети срама и поношения, уклонися ко орде. . .»

горкаго своего безвременна и срама и безсестиа».¹

Третья часть сказания — скитания Юрия Святославовича, его раскаяние и смерть — составлена на основании летописной записи под 1406 г. Здесь также мы обнаруживаем текстуральные совпадения.

Сказание о Юрии Святославиче

Летопись по Воскресенскому списку

«... И начат скитатися безименно ко чюжим странам

«Сентября в 14 преставися князь Юрий Святославичъ Смоленский, не в своей отчине, но на чюжей стороне в изгнании,

лишен бысть отечества и великия своя княгини и чад своих. . .

лишен своего княжения и жены и детей,

... И обрете в земли рязанстей на реце на Осетре между градов Тулы и Николы рязаньскаго, в Веве пустыни, в монастыри святого

но в Рязаньской земли, в пустыни, в монастыри

Николы чудотворца, и тамо вселися у некоего христоролюбива старца и

у некоего игумена христоролюбв, именем Петра;

игумена именем, Петра,

и ту неколко дни поболеев преставися и погребен бысть ту».²

у него же неколко дни пребысть. . . и мало поболеев преставися ко господу и погребоша честно

с песнями надгробными».

Четвертая часть сказания — возвращение Смоленска — не связана с каким определенным текстом летописи: она составлена самим автором. Но по своей форме — это типичная летописная запись.

Итак, текстуральная близость «Сказания о Юрии Святославиче» к летописи бесспорна. Но вопрос этим не исчерпывается. Еще интереснее стилистическое сходство сказания с оригинальной и переводной исторической литературой. Опираясь на летописный текст, сказание рисует любовную трагедию в Торжке гораздо более красочно, образно и тепло, чем летопись. В нем слышится поэтическое воодушевление автора и заинтересованность его в судьбе причастных к этой трагедии лиц. Относительно исторических событий автор сказания входит в такие подробности, каких мы не находим в летописи; действующих лиц сказания он кратко характеризует, подчеркивая отличительные особенности их душевного склада, мотивируя их поступки и пр. И вот весь этот материал, отступлений от текста летописи, все то, что составляет продукт самостоятельного творчества автора, по своим

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 81.

² Ibid., стр. 81.

жанровым и стилистическим особенностям обнаруживает большое родство с летописью.

Автор сказания рисует взятие Смоленска Витовтом благодаря хитрости этого князя. Собираясь напасть на Смоленск и подойти к нему с войсками, Витовт распространяет слухи, что он идет на Темир Аксака. И когда к нему выезжает Глеб Святославич, он оказывает последнему честь и, одарив, отпускает его в Смоленск, предлагая приехать к нему всем князьям смоленским для разбора существовавшей между ними распри. Приехавших к нему князей с боярами он схватывает и посылает в Литву, сам же занимает Смоленск.

Это традиционный, хорошо известный в переводной и оригинальной исторической литературе мотив взятия города хитрым вождем благодаря обману защитников города.

Автор вкладывает в уста Юлиании Вяземской речь, которая должна была защитить ее от насилия Юрия Святославича. Это тоже традиционный прием характеристики мудрой жены, известный старинной исторической литературе.

Автор повести мастерски владеет лексическими и фразеологическими оборотами, аналогичными и иногда сходными или даже тождественными летописи. Приведем несколько примеров.

Родословная князя: «Во граде Смоленске господствуя тогда великий князь Юрьи Светославичъ, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, преправнук Ростиславль Мстиславича. Мстислав же бяше сын Давыдов, внук Ростиславль, правнук Мстиславль Владимрича Манамаша».

Междоусобные распри: «Сему же великому князю Юрию Светославичю некогда нетерпящу нестроения и межоусобныя брани видети присныя своя братии, и отиде на Рязан к тестю своему великому князю Олгу Ивановичю рязаньскому. И тогда братия великаго князя Юрья в Смоленску пребывающу, наипаче между собою вражду велику и ненависть имущу и прю о княжении».

Движение войска: «Литовский же великий князь Витофт, усмотрив си время удобно своему коварству, и собрав силу многу, и поиде мимо Смоленск, творяся идти на Темир Аксака царя, и промчеша слово то повсюду».

Взятие города: «Они же мнящися в правду, выидоша к нему вси из града и з бояры своими. Он же прехватая всех их, и посла их в землю свою литовскую, а посады пожже и люди поплени, во граде же своих наместников посади. . .»

Скорбь: «Слышав же сия великий князь Юрье и воскорбе великою печалию от горести душа. И побеже с сыном Федором в великий Новъград. . .»

Все это свидетельствует об определенном стилистическом родстве «Сказания о Юрии Святославиче» с летописью, о том, что именно последняя является той литературной почвой с целым арсеналом своеобразных изобразительных средств и приемов, без которой невозможно было бы появление произведений, подобных Сказанию.

Однако необходимо признать, что стиль Сказания не так уж выдержан и ровен. В нем ясно ощутимы специфические элементы агнографии особенно в тех случаях, когда сама тематика представляет для этого определенные основания. Так, в агнографическом стиле дается характеристика Иулиании:

«И той имея супружницу княгиню Ульянию, и та бяше целомудрена, и божественною добротою украшена. Не толико же телесным доброзрачием светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе».

В агнографическом стиле говорится также о смерти Иулиании и ее мужа:

«Сиде в купе пострадаша, и своею неповинною кровию выдоша к богу, от него же и мученическими венцы увязошася. . .»

Наконец, агнографические элементы мы находим и в описании покаяния Юрия Святославича.

*

Близко стоя к летописи, «Сказание о Юрии Святославиче» пытается в то же время внести возможные поправки в летописный образ Юрия Святославича. Автор сказания подробно говорит о раскаянии Юрия Святославича, о его тяжелом душевном состоянии в связи с осознанием своего греха, о его стремлении к добродетельной жизни. Всего этого нет в летописи. Все это необходимо автору сказания для того, чтобы примирить читателя с Юрием Святославичем. Эта тенденция Сказания совершенно очевидна. Внимательно всматриваясь в текст Сказания, мы находим и ту причину, которая заставляет автора изменить взгляд на Юрия Святославича. Юрий Святославич, в глазах автора Сказания, — «праведное семя Владимирово». Это оправдание Юрия Святославича как Рюриковича ставит данное Сказание в ряды памятников, пересматривавших исторические события древней Руси в целях возвеличения рода московских князей, что играло определенную политическую роль в годы завершения объединения северо-восточных княжеств вокруг Москвы. Неудивительно поэтому, что «Сказание о Юрии Святославиче» мы находим в «Степенной книге».

Наличие «Сказания о Юрии Святославиче» в составе произведений «Степенной книги» вызывает у нас большой интерес в связи с тем, что время написания Сказания мы можем определить с большой точностью.

Точная же датировка Сказания проливает некоторый свет на весьма запутанную хронологию образования «Степенной книги».

Идейное и стилистическое сходство «Сказания о Юрии Святославиче» со статьями «Степенной книги» сразу же бросается в глаза. Мы уже видели, что автор Сказания всеми средствами стремится обелить Юрия Святославича, приводя его к «праведному» концу жизни — к покаянию и очищая ему этим самым подобающее место в ряду предков московских князей. А эта тенденция, как мы знаем, составляет одну из особенностей «Степенной книги» по отношению ко всем предкам московских князей. Далее, — самой характерной особенностью стиля «Сказания о Юрии Святославиче» является доминирование в нем элементов летописи и исторических хроник на ряду с подчиненным, второстепенным

положением агиографических черт. А это оказывается самым характерным для литературного облика «Степенной книги». Затем, автор Сказания с особой тщательностью обрабатывает любовно-трагический эпизод взаимоотношений Юрия Святославича и Иулиании Вяземской, подробно пересказывая все перипетии борьбы между ними, причем сухая запись летописи его не удовлетворяет, и он разукрашивает этот эпизод, используя для этого традиционный прием «речи» героини.

И вот этот интерес к романическому неслучаен для «Сказания о Юрии Святославиче», как произведения, вошедшего в «Степенную книгу». Эта особенность является одной из характернейших литературных черт «Степенной книги» в целом. Трагические, трогательные или занимательные романические положения привлекают особое внимание составителей «Степенной книги». Они, кропотливо и тщательно собирая различные биографические сведения о членах княжеской фамилии, не проходят мимо и сведений романического характера. Наоборот, сосредоточивают на них свой интерес и находят для их выражения соответствующие литературные приемы. Стоит напомнить только некоторые страницы «Степенной книги», и наша мысль станет вполне очевидной. Так, в «Степенную книгу» попадает трагическая история Рогнеды.¹ Пространно и красочно описывается горе Евдокии, жены Димитрия Донского.² Но особенно замечательно в этом отношении житие княгини Ольги. Составители «Степенной книги» приняли во внимание все известные в XVI в. биографические произведения об Ольге;³ и вот любопытно, что они не ограничиваются только письменными источниками, но пользуются и народной легендой. Раздел жития «О великом князе Игоре, како сочтыся со блаженною Ольгою»⁴ составлен на основе народных легендарных сказаний. Включение этого эпизода в житие весьма определенно характеризует художественный вкус составителей «Степенной книги».

Наконец, не лишено некоторого значения и то обстоятельство, что между материалами «Степенной книги», бесспорно являющимися результатами авторской (а не только редакционной) работы ее составителей, и «Сказанием о Юрии Святославиче» можно указать текстуальные совпадения. Так, напр., и в предисловии к «Степенной книге» и в Сказании одинаково характеризуются московские князья как «праведное семя Владимирово». Итак, очевидно, «Повесть о Иулиании Вяземской» в ее старшей редакции, т. е. «Сказание о Юрии Святославиче», написано для «Степенной книги» согласно ее плану и ее основным тенденциям. Поэтому датировка «Сказания о Юрии Святославиче» небезразлична и для датировки «Степенной книги» как определенного литературного предприятия.

Четвертая часть «Сказания о Юрии Святославиче», представляющая собою запись событий, в недалеком прошлом предшествовавших времени создания самого сказания, дает вполне достаточный материал для

¹ Книга степенная царского родословия, ч. I, СПб., 1908, стр. 69.

² Ibid., ч. II, СПб., 1913, стр. 404—405.

³ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, стр. 40.

⁴ Книга степенная, ч. I стр. 7—8.

его датировки. Здесь говорится о присоединении Смоленска к Московскому княжеству Василием Ивановичем.

«И таковым тогда неправедным похищением Витофт Смоленское великое княжение из русския державы исторже к своей Литовской области, им же властвоваху Литва и до самодержавного государя и великого князя Василия Ивановича всея Русии, ему же благоволи бог многим подвигом паки исторгнути от латыньства град Смоленск от области литовскаго краля Жигдиманта к своему отеческому наследию рускаго царствия в достояние ему и чадом его в роды и роды. Их же благочестию державу благостию своею, господи, сугубо ураспространи и всякия благодати исполни и на вся сопротивныя им пособствуй, мирно же и безмятежно и благоугодно тебе благочестивое царствие их во благоденьствии утверди. . .»¹

По ясному смыслу этих строк речь идет о княжении Василия Ивановича, причем о том времени его княжения, когда у него уже есть дети, а это произошло не ранее 1533 г., года рождения у Василия Ивановича второго сына — Юрия. Если, кроме этого, принять во внимание, что Василий Иванович умер в этом же 1533 году, а по приведенной нами записи очевидно, что во время написания «Сказания о Юрии Святославиче» он еще жив, то время создания сказания можно отнести только к 1533 г. Предполагать же, что это могло быть сделано позже, в «макарьевскую пору», как говорит об этом П. Г. Васенко,² мы не имеем никаких оснований: это противоречит прямому смыслу и духу записи.

Считая временем написания «Сказания о Юрии Святославиче» 1533 год, мы (по указанным выше соображениям) одновременно с этим должны признать, что и «Степенная книга» как определенное литературное мероприятие была задумана и в ряде своих «степеней» выполнена в домакарьевскую эпоху, т. е. должны возвратиться к старой точке зрения на происхождение «Степенной книги». Но детальное рассмотрение этого вопроса уже выходит за пределы настоящего очерка.

3

«Сказание о Юрии Святославиче» известно не только в составе «Степенной книги»: мы нередко встречаем его отдельно в рукописях XVII—XVIII вв., как одно из любимых произведений древне-русского читателя. Кроме этого, оно имеет свою длинную и любопытную литературную историю, так как оно несколько раз подвергалось переделкам. Остановимся кратко на этом вопросе.

Одна из переделок «Сказания о Юрии Святославиче» носит следующее название: «Сказание о убиении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренныя его княгини Иулиании, и о князе Юрии Смоленском».³ Судя по заглавию этого произведения, у автора его было наме-

¹ Ркп. Анад. Наук. 21. 7. 14, л. 138 об.

² П. Г. Васенко. Книга степенная царского родословия и ее значение в древне-русской исторической письменности. Ч. I, СПб., 1904, стр. 128.

³ Ркп. Румянц. № 156, лл. 177—178 об., XVIII в.

рение дать историческое сказание о Вяземских, поставив в центре внимания их, а не Юрия Святославича. Сказание и начинается соответствующим образом: «Святой благоверный князь Симеон Мстиславичъ Вяземский и княгиня его Иулиания мученически скончашася от великого князя Юрия Святославича Смоленского». Автор этой редакции повести оставил всего несколько слов из первой части старшей редакции повести и совершенно отбросил ее конец — четвертую часть. Вторая же и третья части старшей редакции сильно сокращены и переработаны. В результате этих изменений первоначального текста получилось совсем небольшое сказание, лишенное литературных достоинств, но довольно хорошо передающее основную тенденцию редактора — возвеличить Вяземских в ущерб Юрию Святославичу. И эта тенденция и наименование Симеона Мстиславича «святым» свидетельствуют о значительно более позднем времени возникновения второй редакции данного памятника. Ее надо отнести к концу XVI в., когда в Торжке уже сложилось почитание Вяземских как местных святых.

*

Другая переделка старшей редакции известна под названием «Повесть о благоверной княгине Иуулиании, супружнице великого князя Симеона Мстиславича Вяземского».¹ Цель этой редакции нашего памятника — восхваление Иуулиании. Ее автор поступает очень решительно и прямолинейно: из памятника в его старшей редакции вычеркивается все, что имеет непосредственное отношение к Юрию Святославичу, а тем более — к положительной характеристике его. Так, почти полностью сокращена первая часть «Сказания о Юрии Святославиче» и совершенно опущены третья и четвертая части его. В результате этой работы в центре произведения оказалась вторая часть старшей редакции — любовная трагедия в Торжке. Литературно-романическая сторона произведения от этого значительно выиграла. Ослаб его исторический характер, и на первый план выдвинулось изображение быта княжеской среды небольшого города.

Но автор третьей редакции не остановился на этих изменениях первоначального текста. В стиле агиографических произведений он написал новое окончание повести, полностью посвященное тоже одной Иуулиании. Здесь говорится о том, как крестьянин, «имя ему бог вестъ», идя по берегу Тверцы, увидел тело Иуулиании и сообщил об этом причту собора, который и принял меры к погребению Иуулиании.

В последующее время это окончание третьей редакции в свою очередь подверглось переработке все дальше по пути религиозной легенды: тело Иуулиании плывет вверх по течению Тверцы, от него «бысть глас», крестьянин получает исцеление и пр., — все это уже типичные черты агиографического жанра. В самом деле, в агиографической литературе для доказательства «святости» того или иного лица издавна (Египетский патерик) используется мотив «плавания вверх по течению». В русских житиях он обычен: Василий Муромский плывет по Оке против течения на своей ман-

¹ Ркн. Румянц. № 364, лл. 289—290 об., XVII—XVIII вв.

тии;¹ Иоанн Новгородский плывет по Волхову вверх по течению на плоту никем неуправляемом;² на льдине, приплывшей против течения к Боровицкому корогу, оказалось тело юродивого, судовщика Иакова,³ и т. п.

Время создания третьей редакции также необходимо отнести к XVI в. Указания на это мы находим, анализируя записи «чудес» в конце списков этой редакции: датировка наиболее ранних из них относится к концу XVI в.⁴

Резюмируем наши краткие замечания о «Повести Иулиании Вяземской».

«Повесть о Иулиании Вяземской» в своей первоначальной редакции (Сказание о Юрии Святославиче) была написана между 1530 и 1533 гг. Она была одним из памятников, создаваемых в эти годы в целях возвеличения рода великих князей московских, и в свое время имела определенное политическое значение.

И задумана и осуществлена она была в связи с созданием «Степенной книги», с которой она имеет большое сходство в идейном и стилистическом отношении. Но по времени своего создания она относится к эпохе более ранней, чем время окончательного оформления «Степенной книги».

По своим жанровым и стилистическим особенностям — это и с т о р и ч е с к о е с к а з а н и е, в манере письма которого превалируют образы, лексика и фразеология летописи и исторической хроники над элементами агнографического стиля. Ее большая зависимость от летописи показывает нам, какую видную роль играла эта последняя в генезисе историко-бытовой повести на известном этапе ее развития.

В литературной истории этого памятника весьма любопытны попытки переработки его в агнографических целях. Из «Сказания о Юрии Святославиче» создаются в агнографических целях «Сказание о Симеоне Мстиславиче» и «Повесть о Иулиании Вяземской». Последняя затем и принимает на себя роль официального жития Иулиании, постепенно обрастая посмертными чудесами. Летописная запись, историческое сказание, житие — таковы этапы литературной истории этого памятника.

История литературного обращения этого памятника, распространявшегося в читательской массе в XVII и XVIII вв. одновременно во всех своих трех редакциях, говорит нам о том, как быстро и легко были забыты первоначальные стимулы и создания и переработки его. Читательская масса читала и любила это произведение в более позднее время, очевидно, не за его первоначальный политический смысл и позднейшие агнографические тенденции Торжка, а за занимательность и трагичность его содержания.

¹ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1, стр. 236.

² Ibid., стр. 246.

³ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. (См. Сборн. ОРЯС Акад. Наук. СПб., 1880, т. XX, стр. 151—152.)

⁴ Ркп. Румянц. № 166, лл. 5—7.

ТЕКСТЫ *

I ред.

Ркп. Библ. Акад. Наук СССР. 21. 7. 14. Сб. втор. пол. XVII в., лл. 484 об.—488 об.

О великом князе Юрье Светославиче Смоленском и о князе Симеоне Мстиславиче Вяземском и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася

Бысть в лета рускаго державства благовернаго великаго князя Василия Дмитриевича, во граде Смоленске господствуя тогда великий князь Юрье¹ Светославичь, внук Иванов, правнук Александров, правнук Глебов, правнук Ростиславль Мстиславича; Мстислав же быше сын Давыдов, внук Ростиславль Владимирича Манамаша.² Сему же великому князю Юрию Святославичю некогда нетерпящу нестроения и межоусобныя брани видети присныя своя брания, и отиде на Рязан к тестю своему великому князю Олгу Ивановичю рязаньскому. И тогда брания великаго князя Юрья в Смо||леньску пребывающу, наипаче между собою вражду велику и ненависть имущу и про о княжении. Литовский же великий князь Витофт, усмотрив си время удобно своему коварству, и собра силу многу, и поиде мимо Смоленск, творяся иди на Темир Аксака царя, и промчеша слово то повсюду. И тому словеси верующе князи Смоленстии. И выде к Витофту князь Глеб Светославичь. Он же, почтив его и одарив, отпусти с миром, рек: Слыша в вас брания неединачество и вы приидете ко мне вси, брания, с любовию по опасу, и аз в правду разсужу, и во единчество умирю. Они же, мяншася в правду, выидоша к нему вси из града и з боляры своими. Он же, прехватая всех их, и посла их в землю свою литовскую, а посады пожже и люди поплени, во граде же своих наместников || посади. И тако бысть первое взятие граду Смоленску. По сих же в шестое лето великий князь Юрье Светославичь Смоленский с тестем своим Олгом рязанским, видеша Витофтову воинству оскудение от Тимир Кутлуева побоища, приидоша к Смоленску. И предашася смольяна. Витофт же паки потом по два лета не единою ратуя Смоленск. И тогда великий князь Юрье повеле смольняном ждати себе на три сроки, а сам прибеже на Москву, вдавая себе великому князю Василию Дмитриевичу, и град свой Смоленск со всем своим отеческим наследием. Правдывый же великий князь Василий Дмитриевич не прият его, Витофта ради тестя своего, да не разорится в них мирный завет. И не прииде великий князь Юрье на сроки. И предашася смольяне Витофту. Он же, вошед во град, || великую княгиню Юрьеву, з детми и князи и боляр смоленских в Литву послал, а иных смерти предаде. Град же ляхом предав, а сам в Литву отиде. Слышав же сия великий князь

* При издании титла везде раскрыты; ъ в конце слов опущен; і замечено и; ѣ — е; пунктуация современная.

1—2. В «Степенной книге» по списку Погод. № 1429 (ст. 13, гл. 26) это место читается в следующем виде: «Юрья светославичь, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, прправнук Ростиславль Мстиславича. Мстислав же быше сын Давыдов, внук Ростиславль, правнук Мстиславль Владимирича Манамаша».

Юрье и воскорбе великою печалию от горести душа. И побеже с сыном Феодором в Великий Новъград, и тамо лето едино пребысть. И оттоле прииде на Москву служити великому князю Василию Димитриевичю, от него же прият бысть и в Торжку наместником учинен. Ему же служаше князь Симеон Мстиславичъ Вяземской. И той имея супружницу княгиню Ульянию, и та бяше целомудрена, и божественною добротою украшена. Не только же телесным доброзрачем светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе. Ея же целомудренному житию завиде древний враг || Еввий зачинатель, и взусти на нея господина ея великаго князя Юрья Светославича смоленскаго. И тако уязвен бысть блудною бранию, и тако безстыдным устремлением взят ю к себе, хотя с нею смеситися, яко господскую власть над нею имея. Она же не хотяше сего беззакония сотворити, но о целомудрии подвизашеся, и много моляше его и увещевая, глаголаше: Почто, господине, всеу подвизаешися, и яко вотще сие неподобное дело умышляеши, еже не имат быти. Веси бо господине яко мужа имам, и како мощно ми честное его ложе осквернити. Уне ми есть умрети, нежели такое неподобное дело сотворити. Аще ли не останешися сего осквернения, уязвен от мене имаша быти. Он же не внимаше словесем ея, наипаче же велми похотию разжигашеся; || и поверже ю, и ляже с нею. Она же противляшеся ему, и не може отринутьи его от себе, и взял нож удари его в мышцу. Он же срама исполнися, и зело возярился, и вместо еже бы умириться и на покаяние обратитися, видя в немощи женстей таково крепкодушну о целомудрии ревность, но паче приложи к блудному устремлению двое убийство. Первое своима руками уби неповиннаго, но вернаго служащего ему, князя Симеона Мстиславича, мужа целомудренныя княгини Ульянии. Ей же повеле рuce и нозе отсеци, еже и бысть. Сиче вкупе пострадаша и своєю неповинною кровию въздохша к богу, от него же и мученическими венцы увязошася. Сиче скоро приобретоша вместо временнаго живота вечную жизнь и царство небесное. Князя || же Юрья Светославича отсюду обыде сугубо студ и поношение, сугуба же срамота и укоризна; и не ведыи что сотворити, не могши терпети срама и поношения, уклонися ко Орде. И начат скитатися безимянно по чюжим странам, лишен бысть отечества и великия своя княгини, и чад своих, и сродников, и служащих ему князей, и бояр, и воевод, и всяких рядников и чиновников, и всех слуг своих отчужися и пуст бых и мало не отчаявся. Преблагии же бог не хотяи смерти грешником, но всем хотяи спастися и в разум истинный прийти. И сему праведному семени владимирова великому князю Юрию Светославичю вложи во ум искрено каятися грехов своих, възскати пустыню. И обрете в земли рязанстей на реце на Осетре между градов Ту || лы и Николы рязанскаго, в Веневе пустыни, в монастыри святаго Николы чудотворца, и тамо вселися у некоего христолюбива старца и игумена именем Петра, у него же неколико днии пребысть, поминая многия своя беды и напасти, и мирския мятежи и душевныя страсти. И вся сия собрав во уме своем и всегда в мысли своей обношаше; и тако в непрестанных печалех и в скорбех многих сетуя и плача о гресех своих, и забываючи жития сего суетнаго и прелестнаго, и скоро погыбающую славу, и всяко земное желание от мысли своя отвращаше и добро-

детельным житием тщашеся угодити богу. Таже в недуг телесный впаде и, мало поболев, преставися ко господу, и погребоша честно с песньми надгробными в лето 6917 месяца сентября, в 14 день. И таковым || тогда неправедным похищением Витофт Смоленское великое княжение из руския державы исторже к своей Литовской области, им же властвоваху Литва и до самодержавнаго государя и великаго князя Василия Ивановича всея Руси, ему же благоволи бог многим подвигом паки исторгнути от латыньства град Смоленск от области литовскаго краля Жигдиманта к своему от чешскому наследию рускаго царствия в достояние ему и чадом его в роды и роды. Их же благочестиву державу благостию своею, господи, сугубо ураспространи и всякия благодати исполни и на вся сопротивныя им пособствуй, мирно же и безмятежно и благоугодно тебе благочестивое царствие их во благоденьствии утверди, христе боже наш, помилуй нас.

II ред.

Ркп. Румянцева № 156. Сборн. XVII—XVIII вв., лл. 177—178 об.

Сказание о убиении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренныя его княгини Юулиании и о князе Юрии Смоленском

Святыи благоверный князь Симеон Мстиславич Вяземский и княгиня его Юулиания мученически скончашася от великаго князя Юриа Светославича смоленского (внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, прапраправнук Ростислава Мстиславича), иже у него быша, служаху ему в Торжку граде; за целомудрие иже хоте княгину Юулианию осквернити блудом. Она же много боряся || с ним и увещаваая его и не увеща. Он же силно хоте исполнити и яко ляже с нею. Она же взем нож и удари его ножем в мышцу. Он же разярився, уби князя мужа ея, а ей же повеле рuce и нозе отсеци и в реку воврещи в Торжку, иже ту был наместником от московскаго князя Василиа Дмитриевича. Иже под ним взя Смоленск его Витофт князь литовский без него и жену и дети его в Литву отосла. Он же по том много скитався за стыд, || и все покину, и бежа сам ко Орде, не могый срама терпети, и горкаго безвремения, и безчестия и студа. И по многом безумии в чувство прииде и в пустыню вселися в земли резанстей на реце Осетре, меж Тулы и Николы Зарайского, в Веневе пустыне в монастыре святого Николы, у некоего игумена Петра имянем. И много потрудися и в покаянии преставися к богу в лето 6915 месяца септемвриа в 14 день. Ту же и положен бысть в монастыре, лишен бысть отчины, || и жены и детей своих. А тем исходатайствова убиением своим вечный живот и небесное царство. Богу нашему слава. Аминь.

III ред.

Изд. по ркп. Румянц. № 156. Сборн. XVII—XVIII вв., лл. 169—173.

Варианты по ркп. Румянц. № 364. Сборн. XVII в., лл. 289—290 об. — Г,

и по ркп. Румянц. № 166, XIX в., лл. 1—5. — Р.

9 Повесть о ¹ благоверной княгине Юулиании ² великаго князя Симеона Мстиславича Вяземского

¹ Добавлено: святей — Г.

² Улияней; добавлено: супружнице. — Г.

В лета ¹ 6914 году ² бысть в лета ³ российского ⁴ державства благовернаго и великого князя Василиа Дмитриевича, князя ⁵ Георгия ⁶ Свято-славича ⁷ Смоленского. ⁸ Прииде из великого ⁹ Нова града ¹⁰ к Москве служити великому князю Василию Дмитриевичу, и от него ¹¹ в ¹² Торжок ¹³ наместни || ком ¹⁴ учинен ¹⁵⁻¹⁶ бысть. Ему же служаше князь Симеон Мстиславичъ Вяземской. И той имея супружницу свою благоверную княгиню Иулианию. И ~~за~~ баше целомудренная, ¹⁷ божественною добротою украшена, не толико же телесным доброзрачием светяся, но паче сего душевным благообразием освещаема бе. Ея же целомудрому благоумию позавиде древний ¹⁸ диавол, Евин ¹⁹ запинатель. Изусти на ню ²⁰ господина ея великого князя Ге || оргиа Святославича ²¹ Смоленскаго. И тако уязвен бысть на ню блудною бранию, и тако безстыдным стремлением взят ю ²² к себе, хотяше ²³ с нею смеситися, яко господьскую власть имея над нею. Она же, ²⁴ не хотя ²⁵ сего беззакония сотворити, целомудрию подвизашеся. Много моляше его, ²⁶ увещеваше ²⁷ я, ²⁸ глаголаше: ²⁹ Почто, господине, всуе подвизаешися? И яко вотще сие неподобное дело содеваеши, еже не имать быти. Веси, господине, яко му || жа имам. И како мощно ³⁰ ми честное его ложе сквернити? ³¹ Уне ми есть умрети, нежели таковое и ³² неподобное ³³ дело сотворити. Аще ли ³⁴ не останешися ³⁵ сего осквернения, ³⁶ уязвен имаша ³⁷ от мене быти. ³⁸ Он же не внимаше словесем ея, но паче вельми похотию разжигаем блудною на святую. Она же, предобрая, ³⁹ мужелюбица, ⁴⁰ мужески сопротивляшеся ⁴¹ ему, и не может отрещи ⁴² его от себя, ⁴³ и взем нож, и ⁴⁴ удари его в мышцу. Он же ⁴⁵ || срама исполнися, зело ⁴⁶ възъярися ⁴⁷ и, ⁴⁸ вместо еже бы ⁴⁹ умилилися, ⁵⁰ на покаяния ⁵¹ обратитися, ⁵² видя ⁵³ ю в немощи женстей и такую ⁵⁴ крепость духовную ⁵⁵ и о целомудрии ревность, ⁵⁶ но ⁵⁷ паче ⁵⁸ придожи ко блудному устремлению ⁵⁹ двое ⁶⁰

¹ Лето — Г. ² *Добавлено:* от рождества 1409 года — Р. ³ лето — Р. ⁴ рускаго — Г. ⁵ князь — Р. ⁵⁻⁸ *нет* — Г. ⁶ Георгии — Р. ⁷ Святославич — Р. ⁸ Смоленский — Р. ⁹ велика — Р. ¹⁰ *Добавлено:* князь Георгии Светославичъ смоленский — Г. ¹¹ *Добавлено:* же — Р. ¹²⁻¹⁴ наместником в Торжок — Р. ¹⁵ *Добавлено:* а — Р. ¹⁶ *Добавлено:* Георгию — Р. ¹⁷ *Добавлено:* и — Р. ¹⁸ *Нет* — Р. ¹⁹ Еввин — Г. ²⁰ *Добавлено:* святую — Р. ²¹ Светославича — Г. ²² ее святую — Р. ²³ хотя — Р. ²⁴ *Добавлено:* благоверная жена святая княгиня Иулиания — Р. ²⁵ хотяше — Р. ²⁶ *Добавлено:* и — ГР. ²⁷ увещевая — Г.; увещевана — Р. ²⁸ *нет, добавлено:* ж — Р. *нет* — Г. ²⁹ глагола ему со гневом — Р. ³⁰ мочно — Р. ³¹ осквернити — Г. ³²⁻³³ *нет* — Р. ³⁴ *Добавлено:* господине — Р. ³⁵ оставиши — Р. ³⁶ помышления сквернаго — Р. ³⁷⁻³⁸ будещи от мене — Р.; будещи от мене имаша — Г. ³⁹ — ⁴⁰ *Нет* — Р. ⁴¹ воспротивився ГР. ⁴² — ⁴³ от него отрещися, и неистовящися на ню — Р. ⁴⁴ *Нет* — Р. ⁴⁵ *Добавлено:* видя от нея к себе таковое убийство — Р. ⁴⁶ и вельми — Р. ⁴⁷ *Добавлено:* на святую. Изменися лице его, и бысть мрачен на мног час и претя ей казнию смертною, чтоб ей — Р. ⁴⁸⁻⁴⁹ *Нет* — Р. ⁵⁰ *Добавлено:* и ГР. ⁵¹ покаяние — ГР. ⁵² *Добавлено:* к нему и — Р. ⁵³ виде — Р. ⁵⁴⁻⁵⁵ такову крепку духовну — Г. ⁵⁴⁻⁵⁶ такову крепку и духовну и непоколебиму умом. Брася с ним, не убояся от него смертной казни и убийства, но паче просветися лице ея. Он же удивися о целомудрии и о доброте лица ея — Р. ⁵⁷⁻⁵⁸ паче же ревность — Р. ⁵⁹ *Добавлено:* но не получи — Р. ⁶⁰⁻⁶¹ два убийства сотвори — Р.

убиство. ¹ Первое своими ² руками ³ уби неповиннаго ⁴ служаща ⁵ ему князя Симеона Мстиславича, мужа целомудря ⁶ княгини Юулиании, ⁷ а ей же ⁸ повеле руце и нозе отсеци и в реку во Тверцу воврещи. Ей ⁹ же часть. ¹⁰ Сице вкупе ¹¹ пострадаша ¹² и ¹³ своею непорочною ¹⁴ кровию ¹⁵ выдоша к богу, от него же мученическим ¹⁶ венцем увязошася. ¹⁷ Сице ¹⁸ скоро обретоша вместо маловременнаго ¹⁹ живота ²⁰ жизнь ²¹ вечную ²² и царство небесное. Клязю ²³ Георгию бысть ему ²⁴ в ²⁵ грехе, и отсюду ²⁶ обыде ²⁷ сугуб студ и поношение. ²⁸ По времени же мало ²⁹ по прилучию ³⁰ некоему хотя господь ³¹ проявити тело ³² благоверныя ³³ княгини Юулиании.

(Румянцев. № 156). ¶

Ея же обрел ³⁴ некто крестьянин ³⁵ разслаблен, имя ему бог весть. Идяше по Тверце, ³⁶ ей ¶ же плывуще ³⁷ по реке Тверце. Ея же молитвами бысть исцеление. ³⁸ Пишет бо: Дивен бог во святых своих, волю боящихся его творит и молитву их услышит. Крестьянин ³⁹ же ⁴⁰ шед в ⁴¹ Торжок, ⁴² возвести в соборе ⁴³ протопопу с братиею, яже удивившись господь милость свою с ним молитвами ⁴⁴ благоверныя княгини Юулиании. ⁴⁵ Священники же шедше взяше ⁴⁶ ю честно и погребоша ю в церкви преображения господа бога и спаса

(Румянцев. № 166)

... «И по некоему времени некто христианин разслаблен, имя ему бог весть, идяше по берегу реки Тверцы ¶ и обрете святое тело, плывуще по реке Тверцы вверх, противу речных быстрин. И видя человек той преславное чудо, и напад на него трепет и ужас, и убояша зело, и стояше на месте том изумлен, и не можаше с места того двинутися. И в той час бысть ему от святого тела исцеление, и от разслабления избавлен бысть. Пишет бо: дивен бог во святых своих, волю боящихся его сотворит и молитву их услышит. И глас бысть ему от святого тела: Человече Божий, иди, не убойся, во град Торжок в соборную преображения господня церковь и возвести протопопу с братиею, чтоб мое грешное тело отсюду взяли и погребли б в реченной соборной церкви на правой стороне у полуденных дверей. И тот человек ¶ с радостию идяше во град Торжок и возвести протопопу с братиею в соборной церкви о преславном чудеси, что видя и что слыша от святого тела благоверной княгини Юулиании. И по известию человека того, града Торжка соборной протопоп с братиею и со множеством

¹ убийство — Г. ²⁻³ своими руками — Р. ⁴ Добавлено: верою — Р. ⁵ служащаго — Г. ⁶ целомудренныя — Р. ⁷ Улианией — Г. ⁸ Нет, добавлено: святей — Р. ⁹⁻¹⁰ Испорч.; еже и бысть — Р. ¹¹ и — Р. ¹² Добавлено: от него — Р. ¹³ Нет — Р. ¹⁴ Добавлено: и неповинною — Р. ¹⁵ Добавлено: венчавшася и — Р. ¹⁶⁻¹⁷ венец мученический восприяша и — Р. ¹⁸ Нет — Р. ¹⁹ Добавлено: своего — Р. ²⁰ Добавлено: получиша — Р. ²¹⁻²² и Наоборот — Р. ²³ Добавлено: же — Р. ²⁴⁻²⁷ нет — Р. ²⁸ во — Г. ²⁹ отсюду — Г. ³⁰ Добавлено: вечное — Р. ³¹ малем — Г.; ³² малом — Р. ³³ прилучаю — Г. ³⁴ Добавлено: бог — Р. ³⁵ Добавлено: святой — Г.; о святем теле — Р. ³⁶ благоверной — ГР. ³⁷ обрете — Г. ³⁸ христианин — Г. ³⁹ Тверцы рече — Г. ⁴⁰ плывущи — Г. ⁴¹ Добавлено: ему — Г. ⁴²⁻⁴³ той же христианин — Г. ⁴⁴ во град — Г. ⁴⁵ Добавлено: и — Г. ⁴⁶ соборной церкви — Г. ⁴⁷ Добавлено: святыя и — Г. ⁴⁸ Улианией — Г. ⁴⁹ взяша — Г.

нашего Иисуса Христа у сторон || них дверей на правой стране,¹ и до днесь поведают о чести, и² о страдании, и и³ обретении мощей ея. Проче, еже о ней хочещи уведати, о страдании и о целомудрии, о⁴ благоверной княгине Иулиании,⁵ и ты обрящещи в⁶ царском сокровищи,⁷ написано в Степенной книги⁸ в летописаной порядку: о благоверном князе Георгии Святославиче⁹ смоленском, и о¹⁰ благоверной¹¹ и христоролюбивой княгине¹² Иулиании, и благоверном князе Симеоне¹³ Вяземском.

народа идяше на место, идеже святое тело обрете человек той. И пришед на место, обретоша святое тело благоверной княгини Иулиании, плавающее в Тверцы реки близ берега, от града Торжку поприще едино. И взяша честное ее тело, и положиша в раку каменную, и принесоша е во град Торжок в соборную церковь, и погребоша святое тело в соборной церкви со псалмопением честно на правой стороне у полуденных дверей. И в той час от святого тела бысть многим людям исцеление просящим от нея с верою во всяких || недужех и скорбех. И до днесь поведают же мнози, яко и после того бысть от нея прощение и исцеление с верою приходящим, и до днесь. О чести, о страдании и о обретении мощей ея и прочее о ней хочещи уведати — о страдании, о целомудрии благоверной княгини — и ты обрящещи написанное в Степенной книги летописной порядку: о благоверной и христоролюбивой княгине Иулиании, о благоверном князе Георгии Святославиче смоленском и о благоверном князе Симеоне Вяземском.

¹ *Добавлено:* яже — Г. ² *Нет* — Г. ³ *Добавлено:* о — Г. ⁴⁻⁵ *Благодарная княгиня Улианей* — Г. ⁶⁻⁷ *Нет* — Г. ⁸ *книге* — Г. ⁹ *Святославиче* — Г. ¹⁰ *Добавлено:* страдании святых — Г. ¹¹⁻¹² *Благодарная и христоролюбивая княгиня* — Г. ¹³ *Добавлено:* Мстиславиче — Г.